

УДК 316.344.42 + 321(470) + 321(100)

А. Г. Наронская

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ (МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ)

Статья посвящена анализу теоретических подходов к изучению политической элиты. Автор рассматривает генезис и роль элитологических исследований как в мировой, так и в отечественной политической науке. Сравниваются демократическое и ресурсное направления в современных исследованиях элитных групп. Автор отмечает, что процессы трансформации российской политической системы определили востребованность теоретических и эмпирических исследований феномена политической элиты. В результате отечественные исследователи в полной мере участвуют в интеллектуальном развитии мировой элитологии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политическая элита, элитология, политический процесс.

Категория «элита» получает широкое распространение в общественных науках в XX в. благодаря работам итальянского социолога В. Парето; В. Парето, а также Г. Моска и Р. Михельс стали основателями и классиками элитологии — одного из самых востребованных направлений современной политической науки. Заслуга Парето, Моски и Михельса состоит в том, что они определили дихотомию «элита — масса» в качестве основания социальной структуры любого общества. В отличие от классовой теории в рамках элитологического подхода главным основанием деления общества является не экономическое неравенство, а различное положение групп по отношению к политической власти.

С середины XX в. в западной политической мысли активно разрабатывались новые теории элит. Исследования политических элит разнообразны.

Выделим два ключевых направления в современных исследованиях элитных групп:

1) демократическое, которое утверждает плюрализм элит и конкуренцию между элитными группами, вследствие которых монополизация власти одной группой элиты невозможна;

2) иерархическое или ресурсное, которое рассматривает в качестве элиты тех, кто занимает высшие позиции в политических, экономических институтах и обладает реальными ресурсами власти.

К первому направлению относится теория «демократического элитизма», в рамках которой элита рассматривается в качестве необходимого условия существования любого демократического общества. *Концепция плюрализма элит* (Д. Трумэн, Д. Рисмен, Р. Даль и др.) в полной мере отражает идеи демократического элитизма. Определяющим условием демократического управления данная концепция полагает конкуренцию и сотрудничество между элитными группами. Политический интерес является критерием, на основании которого формируются группы элиты. При этом элиты выражают интересы различных социальных групп, и ни одна из множества существующих элит не способна доминировать во всех областях жизни и монополизировать политическую власть.

Согласно плюралистической теории главными критериями развития политической элиты являются не только «состязательность» и «участие», но и набор гражданских политических прав и свобод, которые ограничивают и контролируют политическую элиту [5]. Теории плюрализма элит подвергались серьезной критике за несоответствие современной политической реальности. В действительности группы элиты обладают различными возможностями и ресурсами власти. Например, крупные бизнесмены имеют превалирующее влияние на политику, причем их интересы зачастую противоречат интересам других представителей экономических и деловых кругов. В результате один из наиболее ярких сторонников плюралистической теории Роберт Даль в работе «Введение в экономическую демократию» высказался о необходимости введения экономических и политических ограничений, которые могли бы служить противовесом чрезмерному влиянию интересов крупных корпоративных организаций [4].

Согласно *теории технологического детерминизма* (Д. Бэлл, Дж. Гэлбрейт, Э. Тоффлер) в условиях постиндустриального информационного общества главным критерием определения элиты являются личные заслуги и достоинства. В этом случае система рекрутирования элиты максимально открыта для талантливых выходцев из всех слоев населения. В результате представители данного подхода разделяют общество на «интеллектуальную элиту», к которой относятся ученые (математики, социологи, экономисты), квалифицированные специалисты в области вычислительной техники, информационных технологий, и массу. Эта «новая элита» является меритократией, поскольку она объединяет наиболее достойных и компетентных представителей общества [12].

Согласно *теории общественного выбора* социальные политические группы обладают различными, нередко противоположными, интересами. По мнению Дж. Бьюкенена, нет доказательств того, что люди «стремятся к власти над своими собратьями» [2, 48]. Поэтому политическая деятельность является только торгом и обменом властными ресурсами. Политика в этом случае — кооперативная игра, субъектами которой являются конкурентные группы элиты.

Если обратиться к иерархическому направлению, то его представители нередко строили свои исследования на критике демократических теорий. Например,

критика плюралистического направления нашла отражение в теориях Р. Миллса и Ф. Хантера, согласно которым главным критерием выделения политической элиты является обладание командными позициями, руководящими должностями в важнейших бюрократических институтах государства. Представители элиты «занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность, которыми они пользуются» [8, 24]. Именно занятие ключевых позиций в экономических, политических, военных институтах обеспечивает власть и тем самым конструирует элиту.

Р. Миллс утверждал, что нельзя говорить о плюрализме элит, так как в любом, в том числе и демократическом, обществе господствует властвующая политическая элита. Исследуя структуру власти в США, Миллс в книге «Властвующая элита» и Хантер в работе «Верховное лидерство США» доказывают, что господствующая элита финансового капитала безраздельно правит в американском обществе, вследствие чего «все разговоры о демократии в США звучат как издевательство» [Там же]. Сплачивающим фактором властвующей элиты являются не только общая заинтересованность элитных групп в сохранении своего привилегированного положения, но и близость социального статуса, образовательного, культурного уровня, духовных ценностей, стиля жизни, а также наличие тесных неформальных личных и родственных связей.

П. Бурдьё в рамках концепции социального поля утверждал, что место индивида в социальном пространстве определяется его властными ресурсами. В рамках социального пространства индивиды владеют различными видами капиталов (культурным, символическим, социальным, экономическим и т. п.). Именно капитал обеспечивает индивидам ведущее положение, высшие политические позиции и выступает систематизирующим фактором современных групп политической элиты [1, 17–18]. Последние можно с той или иной степенью условности разделить на две категории — «политических руководителей» и «бюрократию». К руководителям относятся те, кто обладает политическим символическим капиталом и высокой степенью влияния на принятие решений, но не имеет должностей во властных структурах. К этой категории могут быть отнесены лидеры политических партий, известные политические журналисты, влиятельные деятели науки и искусства. Бюрократия включает в себя должностных лиц, занимающих руководящие посты в органах государственного управления и оказывающих постоянное институциональное воздействие на политический процесс.

Важным фактором развития политической элиты является степень разделения данных групп. По мнению П. Бурдьё, соединение «профессионалов» и «политиков» достаточно опасно, так как при этом чиновники неизбежно сами становятся своего рода «политическими деятелями». В этом случае доминировать начинает аппаратный ресурс (капитал), который становится центром власти. П. Бурдьё по этому поводу отмечал: «По мере того как политика “профессионализируется” и партии “бюрократизируются”, борьба за политическую власть все более превращается в конкурентную борьбу за власть над аппаратом, которая разворачивается внутри аппарата исключительно между профессионалами» [1, 17–18]. Следствием

данных процессов неизбежно становится развитие неформальных патрон-клиентарных отношений, которые, в свою очередь, не только влияют на принятие политических решений, но и определяют институциональную среду власти.

Стоит отметить, что с начала 1980-х гг. мы наблюдаем повышенный интерес мировой политической науки к изучению элит. Исследования Р. Патнэма, Дж. Хигли, Дж. Филда и других представителей неоэлитизма определили элитоцентричную парадигму в качестве основной методологии изучения субъектного поля современной политики [11, 433–435].

Таким образом, западной политической наукой был создан значительный теоретико-методологический инструментарий для всесторонних исследований элит.

Процессы трансформации российской политической системы определили актуальность теоретических и эмпирических исследований феномена политической элиты. Тем более что первый шаг в этом направлении был сделан советскими социологами и политологами. Г. К. Ашина, Ф. М. Бурлацкого, А. А. Галкина можно с полным основанием назвать классиками отечественной элитологии.

Современная российская политическая наука, в частности в лице одного из самых известных элитологов А. В. Дуки, предлагает три возможных уровня эмпирического и теоретического анализа властных элит [6, 49]:

1) институциональный, в рамках которого элита определяется как специфический институт общества, а элиты рассматриваются как группы, «контролирующие стратегические позиции в обществе или его подсистемах (структурах, институтах) и, в связи с этим, общественные ресурсы» [Там же, 52]. Этот подход опирается на теории Р. Миллса, С. Келлер и др.;

2) стратификационный: элита изучается как социальный слой (класс), представителей которого отличает общность стиля, образа жизни, ценностей и норм поведения. Данный подход основывается на теориях П. Бурдьё, Т. Веблена и др.;

3) функциональный: элита исследуется как функциональная группа, а именно как совокупность индивидов, «занимающих стратегические позиции в обществе или в его какой-нибудь подсистеме, позволяющие им принимать кардинальные решения, в том числе по поводу распределения и потребления общественных благ» [Там же, 50]. Этот подход использует концепции В. Парето, Г. Моски, Г. Лассуэлла, Р. Даля и др.

Отметим, что при изучении российской политической элиты, процессов ее становления и развития большинство отечественных исследователей используют методологию структурного функционализма.

Так, например, О. В. Крыштановская, опираясь на подход Г. Лассуэлла, утверждает, что элита — «это правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса. Элита стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя основные, стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня» [9, 40].

О. В. Гаман-Голутвина определяет политическую элиту как «составляющую меньшинство общества неоднородную, но интегрированную группу лиц, которая отличается особыми социально-психологическими качествами, ценностями, стереотипами, нормами поведения, обладает властными ресурсами, что дает ей

возможность принимать важнейшие политические решения, а также обеспечивает престиж и привилегированное положение» [3, 99].

Т. И. Заславская относит к правящей элите группы, обладающие формальными полномочиями в государственных институтах (высшее звено бюрократии) и неформальными возможностями (например, бизнес-элита) [7].

Следует отметить, что для эмпирического изучения российской политической элиты отечественными элитологами чаще всего используется один из трех подходов, предложенных Р. Патнэмом:

- *позиционный анализ*, согласно которому те, кто занимает высшие властные позиции в формальных государственных институтах, являются политической элитой;
- *репутационный анализ*, основанный на экспертных оценках степени влияния того или иного политика, государственного чиновника. На основании мнений экспертного сообщества формируется список политической элиты;
- *анализ принятия решений*, определяющий политическую элиту через идентификацию тех, кто реально принимает решения.

В большинстве случаев в отечественных исследованиях элиты применяется либо позиционный, либо репутационный анализ. Исследования российской политической элиты с использованием позиционного и репутационного анализа свидетельствуют о том, что механизмы и каналы рекрутирования современной элиты стабилизировались, политико-административная элита является главным субъектом политического процесса современной России, а неформальные взаимодействия определяют состав, систему отбора и динамику развития российской элиты.

В результате можно сделать вывод, что на сегодняшний день благодаря работам российских и зарубежных теоретиков концептуальные и эмпирические исследования политических элит обретают новое качество. При этом отечественные исследователи в значительной степени участвуют в интеллектуальном развитии мировой элитологии. Можно согласиться с А. В. Понеделковым в том, что значительные усилия теоретиков по разработке элитологического подхода позволяют ему претендовать на статус научной парадигмы [10, 86].

-
1. Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов // *Вопр. социологии*. 1992. № 1. С. 17–36.
 2. Бьюкенен Дж., Таллок У. Расчет согласия // Бьюкенен Дж. Сочинения. М., 1997.
 3. Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии // *Полис*. 2000. № 4. С. 97–103.
 4. Даль Р. Введение в экономическую демократию. М., 1991.
 5. Даль Р. Полиархия, участие и оппозиция. М., 2010.
 6. Дука А. В. О подходах к анализу властных элит // *Управленческое консультирование*. 2012. № 3. С. 49.
 7. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2002.
 8. Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.
 9. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М., 2005.

10. Понедельков А. В., Старостин А. М. Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // Полис. 2008. № 6. С. 86–98.
11. Современная политическая наука: Методология. М., 2019.
12. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976.

Рукопись поступила в редакцию 6 ноября 2018 г.

УДК 324 + 329

В. Н. Иванов

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2018 ГОДА И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

В статье анализируются итоги президентских выборов 2018 г. в России и проблемы российской партийной системы, которые проявились в ходе участия партий в избирательной кампании (низкая политическая активность новых партий, ограниченная электоральная база партий оппозиции, отсутствие конкурентоспособных партийных кандидатов и невысокий уровень политической конкуренции в целом). Показаны причины возникновения этих проблем и характер их влияния на развитие партийной системы страны. Автором делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования партийной системы России с учетом уроков прошедших президентских выборов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: выборы, президент, партия, партийная система, политическая конкуренция.

Президентские выборы являются главными в электоральном цикле в силу той ключевой роли, которую играет глава государства в политической системе Российской Федерации. Каждая из прошедших ранее избирательных кампаний по выборам президента России имела свои особенности. Отличие президентских выборов 2018 г. от предыдущих заключается в ряде моментов. Прежде всего, выборы стали проверкой эффективности реформированной партийной системы. Как известно, в 2012 г. была максимально упрощена процедура регистрации политических партий. Если до этого требования по численности партии, необходимой для регистрации, были завышены (50 тыс., а затем 45 тыс. человек), то теперь они упрощены до минимума (500 человек) [12]. Это дало возможность зарегистрировать свою партийную организацию различным политическим силам.

Другой особенностью избирательной кампании было то, что действующий глава государства, который находится в управлении страной уже 18 лет, шел на выборы в четвертый раз. Это делало выборы своего рода референдумом о доверии В. В. Путину как политическому лидеру и его политическому курсу.

Выборы отличались и по составу претендентов на пост главы государства. Кроме основного фаворита — действующего президента В. В. Путина и лидера ЛДПР В. В. Жириновского в них не участвовали политики, имеющие серьезную электоральную поддержку. Кандидатов-аутсайдеров можно разделить на две